

Patrick Karez

GUSTAV
KLIMT

ZEIT UND LEBEN
DES WIENER
KÜNSTLERS

ACABUS

Verlag

Патрик КАРЕЗ

ГУСТАВ
КЛИМТ
ЭПОХА И ЖИЗНЬ
ВЕНСКОГО
ХУДОЖНИКА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2019

УДК 75.03(436)(092)
ББК 85.143(4АВС)
К 22

Перевод с немецкого Т. Ф. Датченко

*Перевод осуществлён по изданию:
Patrik Karez. Gustav Klimt: Zeit und Leben
des Wiener Künstlers Gustav Klimt: Romanbiografie.
ACABUS Verlag, Hamburg, 2014.*

*Художественное оформление
К. Фадина, Н. Штефан*

знак информационной
продукции **18+**

ISBN 978-5-235-04334-3

© ACABUS Verlag, Hamburg, 2014
© Датченко Т. Ф., перевод, 2019
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2019

ОТ АВТОРА

Огромная благодарность корректорам, пропустившим, по моей настоятельной просьбе, все семантические, синтаксические и орфографические капризы, а также те или иные необычные мысли. Совершенно в стиле Людвига Хевеши и Венского сецессиона:

«Эпохе — своё искусство. Искусству — своя свобода».

Патрик Карез, 2014 год

Сердечно приглашаю читателя для поиска обсуждаемых произведений Климта, а также упоминающихся персоналий и архитектурных сооружений воспользоваться другими средствами информации, например художественными альбомами или Интернетом.

Патрик Карез, 2011—2012 годы

**"Примечания
к несуществующему автопортрету:**

Писать и рисовать я могу. Сам так думаю, а также некоторые люди говорят, что они так думают. Но я не уверен, правда ли это. Достоверны лишь следующие два пункта:

1. Не существует моего автопортрета. Я не интересуюсь своей персоной как "предметом картины", а скорее другими людьми, прежде всего женщинами, а ещё больше другими явлениями. Убеждён в том, что как личность не слишком интересен. Во мне нельзя увидеть ничего особенного. Я художник, пишущий день за днём, с утра до вечера. Картины с людьми и пейзажи, реже портреты.

2. Устное, а также письменное слово мне не свойственны, и уж тем более, если должен высказаться о себе или своей работе. Даже когда пишу простое письмо, мне становится страшно как перед приближающейся морской болезнью. По этой причине придётся отказаться от моего художественного или литературного автопортрета. О чём не стоит сожалеть. Кто хочет что-то узнать обо мне как о художнике, а только художник и заслуживает интереса, должен внимательно рассмотреть мои картины и попытаться распознать в них, кто я и чего я хочу".

Густав Климт
(без даты; листок,
напечатанный на машинке)

1874

ПОДРОСТКОВЫЙ ВОЗРАСТ

1

Он закрыл глаза. И тут же возникли они. В сущем круговороте человеческих тел. Рыжие. Блондинки. Брюнетки. Черноволосые. Но прежде всего рыжие. Да. Рыжие. Его рука скользнула вниз. Пока там не много. В эти ранние годы. Потом добавится. Бережно погладил волосы. Появившиеся недавно. Словно по волшебству. Одновременно. С первым пушком. На его подбородке. Как странно, что лицо, нарочито открытое всем, меняется параллельно с половым органом, наинтимнейшим. Спрятанным. Запретным. Непроизносимым. Впредь надо повнимательнее смотреть на бороды. И на их появление.

У женщин всё иначе. О их сексуальной зрелости свидетельствует грудь. Но многого тут не вымотришь. Они же постоянно закутываются. Закрываются. Завёртываются. Ничего не разглядеть. Разве что лицо. Ни запястий. Ни тем более декольте и щиколоток. Женщины. Диковинные существа. Прекрасные. И таинственные. Встречающиеся повсюду. И снова исчезающие. В тени. В обществе, полностью принадлежавшем мужчинам. Рыжие. Блондинки. Брюнетки. Черноволосые. Но прежде всего рыжие. Да. Так и было. Рыжие.

Пальцы спустились ниже. Ловкие они. Эти пальцы. У приматов похожие пальцы. Сумасшедший Дарвин недавно утверждал, что человек и обезьяна практически одно и то же. Высмеяли его. И освистали, шокированные. Благородные господа. Во фраках. И цилиндрах. С карманными часами из золота. В белых шёлковых перчатках. А дамы в гигантских шляпах. С зонтиками от солнца. В кринолинах. И турнюрах. Обезьяны! Что за издевательство! И всё же. Предательский пушок...

Недавно он видел собственными глазами. На запре-

шённой фотографии. На ней изображён мужчина, покрытый волосами. Как у собаки. На тыльной стороне кистей. На руках. На ногах. На груди. И даже на спине. Его друзья хохотали от души. А он испытал возбуждение. И в то же время отвращение. Уж больно мужчина с фотографии походил на обезьяну.

А теперь он сам постепенно превращается в такого. И пушок вокруг сосков. Его будет ещё больше. Он был в этом уверен. Нет. Даже *хотел* этого. Хотел стать обезьяной. Гибридом. Человека. И обезьяны. Обезьяночеловеком. Человекобразной обезьяной. Человеком-зверем. Современным фавном. Дарвиновским Сатиром.

Вся эта лживая игра ему не по нраву. Уже сейчас он презирает смехотворный маскарад общества. Он не будет надевать цилиндра. А фрака тем паче. Останется нагим. По возможности. И работать станет без одежды. Или в лёгкой хлопковой рубашке. А ещё лучше в набедренной повязке. Как первобытные люди. Как туземцы. В заморских странах. Да. Они гораздо ближе к природе, чем мы. Здесь. В Европе. Думал он. В этом изолгавшемся обществе. Где стыдятся своего тела. Стыдятся быть человеком. Точнее, своего животного происхождения. А это же самая естественная вещь на земле. Тут он согласен с Дарвином.

Он нарушит табу. Как Дарвин. Только в другой сфере. Так как путешествия — не его. Он привязан к родине. К месту. Человек как бык. Должен крепко стоять на земле. Чувствовать почву. Осязать её. И деревья. И воду. И горы. Да. Здесь. В прекрасной Австрии. В Вене, полной чаровниц. Тут он дома. Здесь у него всё. Чего жаждет сердце. Зачем уезжать? К чему дальние страны? Что найдёт он в Африке или Америке, чего нет здесь? В конце концов ключ ко всему в самом человеке. В чём он уверен. Надо лишь высвободить это. Вынуть из себя. Выманить. Вытащить на свет. Из темноты. Из той темноты, которую напустили общество и церковь. На самое естественное в мире. На наготу. Сексуальность. На человеческое существование. На единение. С природой. С природой Бога. Или Дарвина.

Он думал о рыжей. И пальцы сложились в кулак. Томная дрожь пробежала по спине вниз. И снова вверх. Словно электричество. О котором говорили все. В эти дни. Вообще ни о чём другом не говорили. Несколько лет.

Дарвин. Эдисон. Маркс. И Фрейд.

Теория эволюции. Электричество. Социализм. И психоанализ. (Следовательно, и сексуальность.)

Основные столпы нового общества. Которые стремительно отдаляли современного человека от обезьяны. С одной стороны. И приближали его к ней. С другой. Вплотную сближали. Чего не было со времён неолита. (Если исключить электричество.) Так он, по крайней мере, считал. И будет считать. Несколько лет.

Что он сейчас позволял себе делать — грех, по мнению традиционного общества. Запрет. Зло. Запрет, потому что зло. И при этом — самое естественное из желаний. Древнейшее в мире. Как он полагал. И чем всю жизнь будет руководствоваться. Нарушит условности. Взорвёт их. И погибнет от них. В чём тоже уверен. Постепенно. Всё тело наэлектризовалось. Наполнилось ощущением божественного. Животного. Говорят, от этого слепнут. Якобы. Спинной мозг отмирает. Становишься нервным. Возбуждённым. Дебилем. Лучше дебилем, чем отказ от такого удовольствия. Дьявольского. И всё же божественного. Это же и есть человек, по его мнению. Идеальная смесь. Из Бога. И зверя.

Именно в полном отрицании в себе зверя и заключается проблема человека его времени, размышлял он. И стремление походить во всём на Бога. Что не свойственно человеку. А если и свойственно, то только частично. Лишь сочетание животного с божественным приведёт к блаженству. Причём в животном состоянии скорее достигнешь счастья. Дебилый. И похотливый. Как шимпанзе. В зоопарке. Да. Так он хотел жить. На глазах у всех. Его будут ненавидеть. И завидовать. Ведь ему одному хватило смелости существовать по собственному разумению. А кара Господня его не интересовала. В неё он не верил.

Постепенно приближался пик его электрического напряжения. Разрядка... Ещё чуть-чуть.

— Густав! — вдруг услышал он мамин голос.

Руки тут же легли поверх одеяла.

— Куда ты запропастился? — Шаги неуклонно приближались к комнате. — В школу опоздаешь!

Разом они исчезли. Женщины. Чудесные создания. Из его фантазии. Рыжие. Блондинки. Брюнетки. Черноволосые. Но прежде всего рыжие. Появилась одна из плоти и крови. Она не плохая. Просто мама.

— Подъём! — крикнула она.

И прежде, чем он успел что-то сделать, сдёрнула с него одеяло. Окинула оценивающим взглядом. И в молчании покинула комнату.

А он остался лежать. Опозоренный. Неприкрытый. Как отбивная. На воскресном обеде. Дьявольская отбивная. Наверняка мама видела.

Флагшток. Цирковой шатёр в миниатюре. Как раз собирающийся вновь опасть. Всё впустую. Подумал он с ожесточением. И без всякого стыда. Интимной обстановки тут отродясь не бывало. В этой комнате. Где рядом спали братья и сёстры. Или делали вид. Спали. Как слоёный пирог. Неспешно пробуждающийся к жизни. Вокруг — бельё. Стопками. Повсюду в комнате. Вдоль стен. Семеро детей. И двое взрослых. Ну как без белья.

Закричала малышка. Ещё и это. Густав приподнялся. Сестра Клара смотрела на него. Она уж точно не спала. Но ему всё равно. У него тоже имеются желания. Мы же не ангелы. Вставая, споткнулся о ночной горшок. Хорошо, что пустой. Что за жизнь! Другой он почти не помнил. «Лучших времён», о которых с тоской неизменно вспоминали родители. В слезах. Похоже, мама страдала больше всех. И отец. Только он этого не показывал. В конце концов, он же виноват. Не справился. Экономический кризис виноват. Повторял он вновь и вновь. Биржевой крах. Финансовый кризис. Большая Всемирная выставка. Плохой урожай. И так далее. И тому подобное.

Но нет. И на отце есть вина. в чём Густав не сомневался. Раз не в состоянии накормить семи голодных ртов. Девяти. Если быть точным. Ещё его собственный и мамин. Им же тоже хочется есть. Хотя и не подают вида. Если что-то появлялось на столе, родители тут же отказывались. Отдавали детям. С юных лет Густав испытывал угрызения совести. И хлеб при такой жизни не казался особо вкусным. Иногда он тоже отказывался. Отдавал малышам. И с урчанием в животе брёл в школу. Как сегодня. Хотя сегодня и отдавать не придётся. Еды не будет. Вообще. Даже корки сухого хлеба.

Он представил себе. Кусок свежего хрустящего хлеба. Тёплого. Прямо из печи. Ощутил словно наяву. Но голод не отступал. Когда-нибудь хлеба у него будет в избытке. Столько, что сможет покормить уток. И, конечно, братьев и сестёр. И родителей. Отец увидит, что бывает иначе. Что причитаниями не поможешь. Не стоит сваливать вину на других. Надо действовать. И он будет *действовать*. Он не превратится в жертву. Построит красивый дом. Может, виллу. И всё у него будет хорошо. Да и женщины появятся. Сколько душе угодно. Рыжие. Блондинки. Брюнетки. Черноволосые. Но прежде всего рыжие. Да. Так и будет.